

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ И УКАЗ 9 НОЯБРЯ 1906 ГОДА (Из истории аграрной реформы Столыпина)

При всем внимании к столыпинской аграрной реформе важный момент ее истории — обсуждение указа 9 ноября в Государственном совете — остается неисследованным¹, а интересный и компактный источник², к тому же систематизированный и опубликованный³, — не востребуемым.

Между тем обращение к нему позволяет существенно, на наш взгляд, скорректировать представления о борьбе вокруг реформы. В «верхней палате» указ 9 ноября встретил упорное сопротивление правой группы, в основе которого лежали узкословные интересы поместного дворянства и выводы, сделанные им из опыта 1905—1906 гг.⁴ Это обстоятельство ставит под сомнение давно сложившееся и широко распространенное в советской историографии представление о правых как сторонниках и даже инициаторах новой аграрной политики⁵. Последняя была продиктована, как это следует из анализа мотивов ее защитников в Госсовете, достаточно широко понятыми потребностями экономического, социального и политического развития империи, ее международного положения.

В Госсовете указ 9 ноября рассматривался с 17 октября 1909 г. по 30 апреля 1910 г. К этому времени многое переменилось по сравнению с осенью 1906 г. Указ был одобрен и существенно дополнен Думой⁶. Изменилось его объективное значение⁷: из обещания он стал стержнем целой программы, «осью» внутренней политики.

Иной стала и ситуация вокруг указа. В 1906 г. препятствие реформе виделось слева, и правительство, проводя ее по ст. 87, стремилось предпринять вопрос, чтобы не быть связанным Думой⁸. Теперь главная опасность исходила справа. Дело в том, что и тогда для правой части складывавшегося контрреволюционного блока идея свободного выхода из общины в целях насаждения личной собственности крестьян на землю сама по себе никакой ценности не представляла, за нее ухватились как за единственную антитезу принудительному отчуждению частновладельческой земли, ошибочно полагая, что развитие мелкой крестьянской собственности на землю и формирование класса крестьян-собственников пойдет исключительно за счет общины и не затронет помещичье землевладение. Теперь, с наступлением «успокоения» переход самодержавия к новой аграрной политике терял для правой части блока всякий смысл. Более того: осознаются ее буржуазная суть, ее органическая связь с «новым строем» и политическими реформами Столыпина, ее неизбежные социально-политические последствия — и указ 9 ноября воспринимается уже как «первый удар лома в фундамент народной жизни»⁹. Правая оппозиция Столыпину активизируется, заметно упрочивая позиции при дворе и в Госсовете¹⁰, что вызывает опасения у сторонников указа 9 ноября¹¹.

Однако необратимость начатого указом процесса земельного переустройства все более становилась очевидной. «Когда такой закон продержится полгода,— писал Витте,— и в соответствии с ним начнется переделка землеустройства, то ясно, что после этого идти в обратном направлении почти невозможно. Во всяком случае это породит целый хаос»¹². То, что осенью 1906 г. было предпринято для защиты от левых, теперь оказывалось непреодолимым препятствием для правых.

* Бородин Анатолий Петрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Кировского государственного педагогического института.

Их сдерживала и позиция царя, заявившего на церемонии представления ему членов III Думы: «Из всех законопроектов, внесенных по моим указаниям в Думу, я считаю наиболее важным законопроект об улучшении земельного устройства крестьян»¹³.

Все это обусловило особую напряженность прохождения законопроекта в Госсовете. Сторонники его не упускали случая подчеркнуть фактическую невозможность не только отмены указа 9 ноября, но и хотя бы сколько-нибудь серьезной его корректировки. Правые также хорошо сознавали это. Авторитетнейший в их среде знаток крестьянского вопроса И. Л. Горемыкин писал кн. П. Н. Трубецкому 28 декабря 1909 г.: «Этот закон действует в продолжение 3 лет и в силу этого закона успели устроить свое землевладение сотни тысяч крестьян. Существенно изменить его уже поздно и это внесло бы опасную неустойчивость и путаницу во все дело крестьянского землеустройства... теперь нельзя не принять его в законодательном порядке: снявши голову, по волосам не плачут». В заключение он советовал попытаться «освободить его от прибавления» Думы, но вместе с тем предупреждал: «Если эта попытка не удастся, и Государственная Дума останется при своем мнении, то делать нечего, надо принимать ее проект»¹⁴.

Одобрение указа Госсоветом оказывалось, таким образом, предопределенным. Правым его противникам оставалось, по словам Р. Д. Самарина, «считаясь с ним как уже с неизбежным злом, думать о том, нельзя ли каким-нибудь способом, если не совершенно предотвратить, то хотя бы до некоторой степени ослабить вредные последствия означенного закона»¹⁵.

Из Думы в Госсовет законопроект поступил 8 мая 1909 г., однако до конца четвертой сессии так и не был поставлен на обсуждение¹⁶. В начале пятой сессии, 17 октября, общее собрание Госсовета единогласно постановило передать его в Особую комиссию (ОК) из 30 членов. 20 октября эта комиссия была образована¹⁷. Председателем ее был избран лидер «центра» кн. П. Н. Трубецкой. В работе ОК приняли участие представители ведомств и члены Госсовета, выразившие желание участвовать в заседаниях. К обсуждению отдельных вопросов привлекались видные члены Думы, ученые, специалисты. Работа ОК была организована на основе программы занятий, составленной по предложению председателя и единогласно принятой ОК¹⁸.

Обсуждение первого отдела программы было долгим и напряженным. И хотя оно завершилось единогласным решением перейти к обсуждению законопроекта, в комиссии обнаружились расхождения принципиального свойства. Противником не только думского законопроекта, но и указа 9 ноября заявил себя Я. Д. Ушаков, который идеализировал общину, видя в ней основу порядка и справедливости. Принцип общины, утверждал он, «миром Господу помолимся». Он не только отказывался связывать с общиной упадок сельскохозяйственной культуры и обнищание крестьянства, как это делали защитники указа, но и утверждал, что «обнищании России вообще говорить не приходится». Указ 9 ноября, по мнению Ушакова, разрушая общину, потрясает основы народного быта, разоряет народ, утверждает несправедливость, порождает обиду, вражду в семьях, увеличивает число преступлений, ибо идея хутора есть идея обособленности, здесь господствует принцип «человек человеку волк». Считая крестьянское общество юридическим лицом, Ушаков подводил общинную собственность, подобно дворянской, под ст. 420 X тома Свода законов; поэтому укрепление общинной земли в личную собственность воспринималось им как экспроприация земли у одного собственника в пользу других. Наконец, Ушаков опасался, что возможность залога и отчуждения укрепленных в личную собственность наделных земель поведет к уменьшению земельного фонда крестьянства и массовому накоплению «безземельного пролетариата»¹⁹.

Другой правый член комиссии, В. А. Бутлеров, сформулировал прямо противоположный взгляд: «Если ставить вопрос об отклонении законопроекта, то лишь с точки зрения его недостаточности для уничтожения общинного строя». Он находил предпринятую реформу целесообразной, но недостаточно последователь-

ной и решительной, а ход ее — медленным: если за три первых года укрепился 1 млн домохозяев из 9200 тыс., то «вся реформа осуществится через 27 лет. Где же тут быстрота?»²⁰

Основная часть правых членов ОК²¹, отвергая законопроект Думы, пыталась «обезвредить» и собственно указ. О главном, что определяло неприятие ими указа, правые умалчивали. Свою позицию они мотивировали интересами государства, большинства крестьянского населения и правительства. Думские дополнения к указу, по их словам, «совершенно недопустимы», так как содержат «элемент законодательной принудительности», предусматривают ломку общины и могут «вызвать пассивное сопротивление», и в то же время не будут «иметь никакого практического значения в смысле приближения к идеалу, к главной цели принимаемых мер — к хуторскому или отрубному владению». Собственно указ 9 ноября не только не отвергался, но было отмечено его «крупное государственное значение», он признавался «своевременной и необходимой» мерой, оправдывалось применение в этом случае ст. 87, и даже высказывалась надежда, что осуществленный в жизни, он создаст тот тип мелкого собственника, который, «естественно, окажется полезным и дельным сотрудником в общем государственном строительстве».

Вместе с тем правые пытались сузить задачи указа в соответствии со своими интересами. Считая общину переходной стадией, имеющей «известные недостатки», и признавая, что общинное и подворное хозяйство — «плохая среда для развития сельского хозяйства», они тем не менее настойчиво проводили мысль о необходимости «осторожного» отношения к общине, утверждая, что общинный строй соответствует правосознанию значительной части крестьянства и гарантирует «от образования пролетариата и развития нищеты»²². В связи с этим подчеркивалось «достоинство» указа 9 ноября, который «не ставит вопрос ребром, не ломает общины, а, делая попытку согласовать различные формы землевладения, открывает простор личному почину». Было оспорено утверждение о связи общины как с «аграрными беспорядками», так и с общей отсталостью сельского хозяйства империи. Все конкретные поправки с целью «обезвреживания» указа 9 ноября шли в русле общей задачи затормозить процесс ликвидации общины²³.

Более решительную позицию — общину не трогать, а хутора и интенсивное хозяйство насаждать на землях, находящихся в распоряжении Крестьянского банка, — занял член правой группы Госсовета гр. Д. А. Олсуфьев, принимавший участие в работе ОК в качестве приглашенного. Его пугал «быстрый темп, которым пошло земельное дело» в то время, когда «понятия крестьян спутаны» (среди них «господствует настроение, совершенно устраняющее заботу о завтрашнем дне»). Законопроект, по мнению графа, вводил «земельный ажиотаж, земельную панаму»²⁴.

На отношении к законопроекту левой группы не могло не сказаться то, что позитивная работа над ним в духе партийной программы была невозможна из-за незначительного удельного ее веса в Горсовете. Несомненно и то, что приоритетной для левых была так называемая «реформа общегражданского характера»; аграрная же реформа Столыпина лишь отодвигала ее, делая все более проблематичной. Поэтому реакция левых членов ОК была негативной.

Думское дополнение они отвергали, не видя «органической связи» его с указом и не принимая «принудительного порядка перехода» к личному землевладению. Что касается собственно указа 9 ноября, то левые, не возражая против «желательности и даже необходимости урегулировать вопрос о выходе из общины отдельных ее членов группами или даже в одиночку», подвергли его резкой критике. Главный недостаток указа в том, что он не выдерживает начала беспристрастного отношения: перетягивая «весы в пользу подворного владения», он тем самым ведет к разложению общинного землевладения, между тем как «крестьянским обществам должен быть обеспечен свободный переход к тому или иному виду землевладения». Указ представлялся левым несправедливым: «интересы населения, владеющего землей на общинном праве, приносятся в жертву выгодам

переходящих к личному владению». Отсюда опасения, что указ «грозит не только не устранить» неустойчивость земельных отношений, но «даже усилить ее ко вреду земледелия». Левые не разделяли надежд на указ, в его последствиях они усматривали немало сомнительного и опасного: выделившиеся далеко не всегда консерваторы и друзья собственности; слабые оказываются брошенными на произвол судьбы; растет пролетариат «при слабом у нас развитии промышленности».

Признавая, что община не представляет собой совершенную форму землевладения и, «несомненно, со временем уступит место другим формам», они категорически были против ее «ломки». «Нужно действовать осторожно,— говорил А. А. Мануйлов,— на почве реформ и не отрывать народ от исторических форм. Правительство имеет земельный фонд и может устроить внутреннюю колонизацию, не толкая общину в пропасть». Нельзя связывать, утверждал М. М. Ковалевский, с общиной «все неурядицы, происходившие на русской земле», причины нашей отсталости «не в общине».

Успешное претворение указа 9 ноября, так подчеркиваемое его защитниками, левые ставили под сомнение: «Настроение выделившихся крестьян далеко не всюду восторженное. К выделу обыкновенно побуждают не соображения неудобства общинного землевладения, а иные, как то: неприятности с миром, мысль заняться промышленностью, а главное, какая-то неразумная идея, что если не выделиться, то землю отнимут». Ссылаясь на «печальный опыт англичан в Индии», на законодательную практику и науку Запада, левые члены ОК призывали «соблюдать в данном деле большую осторожность».

Таким образом, в стремлении не допустить ускоренного разрушения общины в ОК сложилась внушительная коалиция из 9 правых ее членов, 3 левых и 1 из «центра». Они сошлись на том, что содержание обсуждаемого законопроекта «надлежало бы ограничить лишь правилами, определяющими условия и порядок выхода отдельных крестьян из общины, по их о том заявлениям, и юридические последствия такого выхода»²⁵.

Большинство ОК (14 членов «центра» и правые В. И. Карпов и С. С. Стромилов) признало «правильным допустить переход от общинного землевладения к личной собственности на тех главных основаниях, какие указаны в законопроекте, одобренном Государственной думой»²⁶. Важнейшую свою задачу сторонники реформы видели в обосновании собственно указа 9 ноября. Прежде всего подчеркивалась его предопределенность реформой 1861 г.: хотя последняя сохраняла сложившиеся в дореформенный период порядки землепользования у крестьян, «однако уже и тогда предусматривалась возможность выхода отдельных крестьян из общины и выдела в частную собственность причитающихся им участков». Теперь, после отмены выкупных платежей «не может быть отказано в осуществлении того права, которое было предоставлено» крестьянам еще в 1861 г. Однако определить долю участия каждого в выкупе земли оказалось практически невозможно из-за несовершенного счетоводства по внесенным платежам, неисправного содержания волостных архивов, частных переделов. Возникла необходимость определить законные способы осуществления этого права, что и было сделано указом 9 ноября.

Им, далее, открывалась возможность «прогресса в жизни крестьян». Среди них, свидетельствовал А. С. Ермолов, «замечается несомненное стремление к индивидуализму и притом оно присуще лучшим членам крестьянского сословия, способным поднять производительность земли, но при современных условиях жизни встречающих противодействие со стороны косной и упорной крестьянской массы. (...) Правительство было не в праве безразлично относиться к этому делу, а должно было пойти навстречу укреплению подворного владения». Конечно, заметил он, подворное владение — не идеал, но это — «первый шаг в переходе к отрубному и хуторскому хозяйству».

Кроме того, указывал И. А. Шебеко, нужно «иметь в виду политическое значение закона для будущего наших представительных учреждений. Первое

условие для их успешной деятельности — это устойчивость. Нельзя будет жить долго под охраной закона 3 июня. Придется распахнуть двери законодательных учреждений — а для этого нужно заранее создать на местах прочный, консервативный элемент. Грустный факт быстрой ликвидации помещичьей собственности указывает на необходимость подготовить другую силу — силу мелких землевладельцев-собственников».

Члены большинства ОК в качестве доказательства жизненности указа отмечали результаты трехлетнего претворения его в жизнь, впечатляющую картину которых им нарисовал товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин, выступивший при обсуждении I отдела программы ОК 6 раз. «Осмотр хуторов,— подтверждал Ермолов,— производит самое благоприятное впечатление».

Что касается думского дополнения к указу 9 ноября, то большинство ОК нашло его вполне приемлемым. «Со стороны юридической» оно не усмотрело препятствий ни к сохранению общины, ни к постепенному переходу от нее к другим формам землевладения, ни к немедленному ее упразднению. Вместе с тем большинство ОК приняло во внимание степень подготовленности крестьян и пришло к заключению, что в обществах, где общие переделы продолжают периодически совершаться, следует предоставить отдельным домохозяевам «право укреплять по их желанию в личную собственность состоящие в их пользовании участки земли и выделять их к личным местам» (обязательный переход в таких обществах, противореча обычаям и понятиям крестьян, вызвал бы на практике «нежелательное замешательство и затруднения в хозяйственной жизни» селений). Там, где общих переделов не было ни разу, обязательный переход к подворному владению отвечает правосознанию крестьян, и такую меру нельзя назвать насильственной, так как она «в существе ничего не меняет, а лишь узаконивает естественно сложившуюся и просуществовавшую почти 50 лет форму владения». В обществах, где переделов не было последние 24 года, обязательный переход «имеет не менее твердое основание, так как вполне естественно заключить, что общины эти, выяснив на опыте вред и неудобство общих переделов, отказались от них».

С точки зрения экономической, дополнение Думы представлялось большинству ОК в высшей степени необходимым, поскольку в России земледелие — главный источник материального благосостояния народа. Между тем сельское хозяйство «далеко отстало» от западноевропейского и не в состоянии удовлетворять потребностям страны «даже в той мере, как прежде, до 50-х годов XIX столетия». Налицо «хроническое недоедание», следствием чего является физическое вырождение населения, удостоверенное освидетельствованием новобранцев в последние десятилетия. Большинство ОК приходило к выводу, что «одною из главных причин неудовлетворительности нашего сельского хозяйства несомненно служит общинное землевладение», ибо основные черты последнего — переделы, принудительный севооборот, общий выпас скота и др.— убивают «всякие побуждения к улучшению своего участка» и препятствуют введению «усовершенствованных способов хозяйства»; естественным следствием неудовлетворительных приемов обработки земли является ее иссушение, развитие сорных трав, размножение вредителей и т. п. В ходе прений члены большинства ОК привели многочисленные доказательства «вредного влияния общинного землевладения на хозяйственное благосостояние крестьян». Вследствие этого, заключало большинство ОК, «государство не может относиться безразлично к вопросу о форме крестьянского землевладения, несомненно связанной с успехами сельского хозяйства, но, наоборот, обязано принимать меры к установлению более совершенных видов этого землевладения, наблюдая лишь, чтобы ничьи частные права не были при этом нарушены и чтобы сознание среды, в которой меры эти должны проводиться в жизнь, было достаточно к тому подготовлено».

Думское дополнение к указу большинству ОК представлялось приемлемым и с точки зрения социально-политической. Община, напоминали оппонентам, «долгое время считалась у нас оплотом против образования безземельного проле-

тариата и распространения среди низших слоев населения разрушительных политических учений». В настоящее время, говорилось далее, «не представляется возможным утверждать, что община боится от нищеты и предупреждает от образования пролетариата», ибо рост населения резко обострил малоземелье, в условиях которого «труд на наделной земле уже не в состоянии прокормить всех участников в пользовании ею». А право на землю «держит общинников в деревне». Достаток сельского населения в общем значительно понизился в последние десятилетия, а многие крестьяне, оставшиеся в общине, «терпят большую нужду и менее обеспечены, чем лица, обратившиеся к фабричному труду или городским промыслам». Между тем трехлетний опыт применения указа 9 ноября вполне отчетливо наметил облегчение ситуации: часть крестьян, отрываясь от земли, без ущерба для сельского хозяйства уходила в обрабатывающую промышленность; другая часть утративших землю, но еще «тяготеющих к земледельческому труду» служила материалом для правильно организованного переселения; третья часть потерявших землю искала заработок на местах в качестве сельскохозяйственных рабочих.

Выяснилось также, что община «не воспитывает ни чувства уважения к праву собственности, ни подчинения необходимому в государственной жизни порядку, а, напротив, представляет благодарную почву для распространения самых крайних социальных взглядов». Законопроект же создает возможность образования значительного класса мелких земельных собственников, крепких хозяев, «ведущих за свой страх собственное хозяйство и стремящихся ограждать плоды своих трудов», что обеспечит в будущем «устойчивость гражданской жизни и всего государственного порядка».

Таковы мотивы, по которым большинство ОК считало необходимым сделать «все возможное, чтобы закон послужил к скорейшему уничтожению общины и проведению начал личного землевладения»²⁷.

Четыре заседания ОК заняло обсуждение вопроса об обществах, где общих переделов не было в последние 24 года. Дума признала их «перешедшими к наследственно-участковому владению». Поименное голосование в ОК показало: «за» — 16 (члены «центра», кроме Гевлича, и правые Бутлеров и Карпов), «против» — 12 (9 правых, 2 левых и Гевлич), Энгельгардт воздержался, Стромиллов отсутствовал. Как и при обсуждении думского дополнения в целом, это был спор о темпах аграрной реформы. Противники ст. 1 законопроекта Думы были против ускорения: ход ее и без того, по их мнению, был очень быстрый. Выступали они с тех же позиций защиты общины, общинников и самого указа 9 ноября, ограничивая при этом его задачу предоставлением крестьянам возможности воспользоваться правом на выход и укрепление. Единственное, что было тут новым и что, по-видимому, лежало в основе их упорства, — это убеждение, что конфликта с Думой не будет: там ст. 1 прошла всего двумя голосами.

Сторонники ст. 1, не видя каких-либо препятствий юридического, психологического и этического свойства к ее принятию, настойчиво подчеркивали экономическую необходимость реформы. «Чрезвычайно малая производительность крестьянских хозяйств, по сравнению даже с губерниями прибалтийскими (...), — доказывал Карпов, — указывает на крайнюю необходимость принять меры к поднятию производительности крестьянских хозяйств»²⁸. При этом он призывал не упускать из виду связь промышленности с сельским хозяйством и то значение, которое может иметь на развитие индустрии увеличение достатка крестьян, а также и значение, которое промышленность может иметь для доставления заработка безземельным крестьянам. Выступивший опасался, что в случае отклонения ст. 1, экономические результаты от реформы начнут сказываться очень не скоро.

Важным представлялось ее одобрение и с точки зрения политической: для «скорейшего укрепления в массе крестьянства понятия о личной собственности», для «скорейшего устранения существующей ныне подавленности личности отдельных крестьян „миром“, для устранения тех принципов равенства в общинах,

которые совпадают с принципами социалистических учений и дают благодарную почву для распространения этих учений», для «скорейшего устранения создаваемого общинными порядками такого хозяйства, в результате которого получается недоедание и недовольство, представляющие сами по себе хорошие условия для распространения всякой смуты». Сторонникам ускорения реформы ст. 1 представлялась «толчком», который правительство «вправе и обязано дать, чтобы навсегда расстаться с устарелой общиной»²⁹.

Оживленные споры вызвал и вопрос о характере собственности на укрепленный надел. Единоличная собственность, устанавливаемая законопроектом Думы, встретила в ОК многочисленных противников: она неизбежно, утверждали они, приведет к массовой продаже укрепленных участков и обезземеливанию, широкой мобилизации земельной собственности, ущемлению домохозяином прав и интересов членов своей семьи, «бесконечному ряду процессов» и в итоге к нарушению мира и спокойствия в крестьянстве, к смуте. Три члена ОК³⁰ выступили за семейную собственность, предлагая в данном законопроекте вообще не касаться вопроса о характере собственности, оставляя дело обычаю. Однако согласиться с этим не решились даже правые противники законопроекта, и решающим тут были два соображения: неизбежное, по их мнению, умаление родительской власти и то, что «вопрос этот разрешен указом 9 ноября, и нельзя возвращаться назад»³¹. ОК высказалась (при двух отсутствовавших и трех воздержавшихся) за личную собственность.

Однако в том виде, как эта собственность устанавливалась думским проектом, половину членов ОК не устраивала³². Они были против «непосредственного» перехода от установившихся в крестьянской семье «сложных отношений к земле» к началу единоличной собственности, настаивая на принятии правил по ограждению интересов семьи. Большинство ОК³³ согласилось с думской редакцией ст. 2, исходя из того, что, во-первых, без точного определения прав крестьянина на укрепляемую землю закон не достигает цели: крепостные акты по залогу и отчуждению будут невозможны; во-вторых, семейная собственность свяжет домохозяина не менее, чем община, и, не соответствуя крестьянским понятиям и обычаям, подорвет и без того сильно ослабленное семейное начало и родительскую власть; и, в-третьих, права и интересы членов семьи достаточно ограждены как законопроектом Думы, так и возможностью опеки.

Дискуссию в ОК вызвал и вопрос о мерах к предупреждению отчуждения участков, укрепленных из надельной земли. Дума распространила правила 1893 г. о надельных землях на эти участки: на них нельзя было обратиться частные взыскания, купить их могли только лица, приписанные к сельским обществам, и заложить их можно было только в Крестьянском банке и лишь с целью покупки земли или хозяйственных улучшений.

Тем не менее многим в ОК ограничения думского проекта казались недостаточными: они опасались распродажи крестьянами своих земель и перехода последних в руки представителей других сословий. Восемь членов ОК (правые и Гевлич) настаивали на закреплении за крестьянскими обществами преимущественного права покупки в случае продажи таких участков и на отмене правила о разрешении лицам некрестьянского сословия приобретать на вторых торгах заложенные в Крестьянском банке земли. Левые члены ОК предлагали поставить право отчуждения в зависимость от согласия жены и детей домохозяина. А. С. Стишинский настаивал на том, чтобы обусловить право отчуждения и залога письменным согласием жены и родоначальника, если он не домохозяин. Б. И. Ханенко находил целесообразным признать надельную землю вообще неотчуждаемой личной собственностью. Отчасти тут сказался традиционный дворянский взгляд на крестьян. «Следует,— полагал Стишинский,— оберегать крестьян так же, как детей, от всего опасного». Кого-то пугали прецеденты: так, в Галиции в условиях полной свободы отчуждения крестьянских участков за короткий срок, с 1870 по 1880 г., 400 тыс. крестьянских участков были проданы лицам других сословий. Но главное, что стояло за этой заботой о крестьянах, было стремление

«обезвредить» указ 9 ноября. «Все поправки,— справедливо заметил Н. П. Балашев,— в корне изменяют закон 9 ноября, клонятся к уменьшению личных прав, дарованных законом»³⁴.

Большинство ОК согласилось с думской редакцией ст. 35 и отклонило все поправки к ней, исходя при этом из того, что, во-первых, крестьяне «крепко сидят на земле»; во-вторых, предоставление обществу права преимущественной покупки противоречит основной цели закона и неизбежно стеснит домохозяина при продаже; в-третьих, Крестьянский банк, куда возможен залог, находится под контролем правительства³⁵.

С Думой ОК разошлась лишь в вопросах о доплате за излишки укрепляемой земли, о правах на недра укрепляемых участков и о том, кто в спорных случаях определяет домохозяина. По другим статьям большинство ОК, отклонив поправки противников законопроекта, согласилось с Думой.

Два докладчика (М. В. Красовский — по всему законопроекту, Стишинский — по отделам, не вызвавшим разногласия) должны были доложить общему собранию Госсовета итоги работы ОК: особое мнение Ушакова, отвергавшего и самую необходимость, и полезность дальнейшего действия указа 9 ноября; особое мнение трех левых членов ОК, предлагавших отклонить думское дополнение (статьи 1—8 законопроекта) и рассчитывавших «улучшить поправками» ту часть законопроекта, что воспроизводила указ 9 ноября; мнение меньшинства ОК (8 правых и Гевлич высказались за исключение статей 1—8 и они же, без Наумова, полагали необходимым существенно ограничить право отчуждения) и мнение большинства ОК, одобрявшего законопроект Думы «в главных его очертаниях».

Общее собрание рассматривало законопроект с 15 марта по 30 апреля 1910 г. К этому времени в Госсовете сложилось примерное равенство сил сторонников его и противников³⁶. Обусловленная этим напряженность обсуждения усиливалась, по-видимому, еще и правой интригой против Столыпина³⁷.

Два дня заняла общая дискуссия, в итоге которой решено было перейти к рассмотрению статей. В ходе ее обнаружилось противостояние по линии правительство — правая группа и блокирование левой группы с правыми. В первый же день обсуждения сразу же после докладов ОК выступил глава правительства³⁸. Заметив, что предыдущие ораторы освободили его от обязанности разъяснять существо и значение указа 9 ноября, а в Думе, ОК Госсовета, ученых обществах и прессе по поводу его «сказано уже все», Столыпин сосредоточился на принципиальной стороне вопроса. Он обратил внимание общего собрания прежде всего на обстоятельство, недостаточно, по его мнению, «учитываемое, а, может быть, и нарочито замалчиваемое: горячий отклик населения на закон 9 ноября, эта пробудившаяся энергия, сила, порыв, это то бурное чувство, с которым почти одна шестая часть... домохозяев-общинников перешла уже к личному землевладению».

Обратившись далее ко времени и обстоятельствам издания указа, Столыпин подчеркнул глубокую его обусловленность нуждами социально-экономического развития общества. «Ведь это было довольно смутное время, — напомнил он, — когда горели и догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась как свобода насилия, когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчуждением владельческих земель». Изданный в этих условиях, указ был, с точки зрения дворянской правой, актом «политической растерянности слабого правительства, которое зря сразу разбросало весь свой балласт: земли удельные, земли государственные, общинный строй — все в жертву гидре революции».

С точки же зрения Столыпина, все обстояло иначе: указ явился результатом «продуманного, принципиального» отношения к тому, что происходило в то время в России; это было лечение, в основе которого — точный диагноз: «социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию»; лечение «коренной болезни», которую одними только политическими мероприятиями не вылечишь, — бедности и невежества крестьянства, его земельного нестроения³⁹; указом заклады-

вался «фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя».

Эта противоположность выводов из опыта 1905—1906 гг., различие позиций в аграрном вопросе и определило противостояние в Госсовете: стремление правых «обезвредить» указ наталкивалось на «убеждение правительства, что... поправки могут только придать ему вредное, неестественное направление».

Напомнив, что правительство «считает совершенно недопустимым» хотя бы в малейшей степени стеснить свободную волю «крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей», и подчеркнув, что это — «главная коренная мысль» указа 9 ноября, Столыпин решительно возразил сторонникам семейной собственности: «Как же воссоздать крепкую сильную Россию и одновременно гасить инициативу, энергию, убивать самостоятельность? (...) Логика везде одинакова: особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым». Столь же принципиально неприемлемым для Столыпина было и предложение предоставить обществам право покупки продаваемых домохозяевами надельных участков. «Глашатаи отвлеченных свобод, — не без сарказма заметил премьер, — не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина».

В думском дополнении к указу Столыпин не увидел ничего, кроме желания ускорить переход к личной собственности, и возразил лишь против признания участко-наследственными тех обществ, в которых не было общих переделов за последние 24 года, полагая, что из-за технической сложности операции «дело не ускорилось бы, а, напротив, затормозилось бы».

Правые приняли условия спора и изложили свое понимание принципиальной стороны проблемы. Олсуфьев, попытавшись связать «общей мыслью» поправки меньшинства ОК, выразил неприятие новой аграрной политики в целом. Прежде всего, его приводили «в смущение» непоследовательность и противоречивость правительства в аграрном вопросе: «Теперь нам говорят, что через 7—8 трехлетий общины не будет, а тогда (в манифесте 26 февраля 1903 г. — *А. Б.*) говорили о ее незыблемости» — «так где же правда?»

Поворот в аграрной политике представлялся ему необоснованным. Олсуфьев связывал его с «печальными событиями революционного времени, в которых крестьяне, находящиеся в общине, сыграли печальную роль», и, не сомневаясь, что община тут не причем, воспринимал как «пароксизм законодательства против общины и даже против всего крестьянского строя», как «белую горячку под влиянием других причин, которые были приняты за выражение прогрессивного паралича, именно, общины». Необоснованность нового курса проявилась, по мнению выступавшего, и в его умозрительности: «В настоящее время, во время общей смуты и неустойчивости, проведение этого принципа свободной конкуренции в законодательстве есть, несомненно, своего рода доктринерство». Он сомневался, что «личная собственность все спасет», что удастся «создать в противовес нашему невежественному, темному, анархическому часто крестьянину, общиннику — сытого консервативного просвещенного буржуа».

Не мог он принять новую аграрную политику и по ее несомненной для него буржуазной сути. Четко выразил Олсуфьев свою антикапиталистическую позицию в заседании 22 марта: «Наш противник, правительство, признавая это начало (речь идет о личной собственности и свободе конкуренции. — *А. Б.*) „осью своей политики“, не стоит одиноким в стороне, но отражает на своих взглядах сильное общественное течение, проявившееся у нас после революции. (...) Направление нынешних слоев (правительственных и общественных)... проще ...называют буржуазным (ведь руководящая партия в Думе ныне буржуазная). А что же может быть противоположное идеям буржуазного либерализма, как существование нашего обособленного крестьянства, связанного общиной? Таким образом... я спорю не с отдельными лицами из правительства, а с определенным общественным течением».

Под сомнение было поставлено и утверждение Столыпина, что указ подтверждается жизнью: выходцы из общины и закрепление обусловлены вовсе не осоз-

нанным интересом, тут «влияет известная смута, господствующая у крестьян в настоящее время, и разные агитации, прямо иной раз предосудительные». В деревне, утверждал он, «по отношению к этому закону, энтузиазма ни у кого нет, а есть какое-то недоумение, что что-то творится», а характер собственности на закрепляемую землю «просто идет вразрез с общим крестьянским правосознанием». На местах, обобщал Олсуфьев, идет «не созидательный процесс хуторского хозяйства и личной собственности, а происходит успешный процесс разрушения общины». Поэтому «решать так быстро во имя только общей доктрины, подвести крестьян под общее состояние всех других людей в России, во имя общей уравнительной и какой-то, по-моему, псевдоосвободительной доктрины, никоим образом нельзя».

Аргументируя свой совет «не спешить», Олсуфьев заявлял в заседании 26 марта: «По последним известиям из деревни, теперь крестьянство во многих местах гораздо спокойнее, чем было, может быть, многие годы до революции. Что-то с них слетело, в чем-то они разочаровались и успокоились. Значит, обостренности положения нет. Так зачем же так торопиться подводить крестьянский быт под новые нормы?» Вместе с тем оппонент Столыпина должен был признать, что все же «надо дать тот или иной выход из общины», поскольку указ «уже применяется», да и наблюдается «в некоторых местностях довольно сильно стремление к индивидуализации земельной собственности». «В силу этих соображений, — заключал Олсуфьев, — мы как представители правой группы, правого направления политики, убежденные в прочности всяких устоев народной жизни, полагаем, что нам, а в особенности Верхней палате, следовало бы относиться осторожнее к этому закону... следовало бы по возможности мудро ввести те или иные коррективы, не радуясь всем этим сообщениям с мест, что вот столько-то тысяч лиц закрепилось»⁴⁰.

«Коррективы» правых выглядели так: думское дополнение к указу исключить, а оставленную часть исправить в духе манифеста 26 февраля 1903 г., т. е. обеспечить выход из общины отдельным домохозяевам, «но при непременно условии сохранения самой общины»⁴¹.

Позицию левой группы в общем собрании изложил Мануйлов. Позитивная часть выступлений левых членов Госсовета, как и в ОК, была лаконичной и неконкретной — они явно предпочитали критику. Обвиняя правительство в «разрухе» общины, Ковалевский приводил пугающие цифры: 48% надельной земли «с сегодняшнего на завтрашний день» могут оказаться в частной собственности домохозяев. «Господа! — восклицал он. — Большей земельной революции мир еще не знал». И тут же утверждал, что «закон даже не создает того, что называют личной, свободной, никем не стесняемой, а потому привлекающей, собственностью», чем вызвал язвительные реплики Красовского: «Где же грандиозность перемены? ...где беспримерная революция в аграрных отношениях, о которой профессор М. М. Ковалевский говорил в первой части своей речи?»

Сетуя по поводу «неизбежной экспроприации ...значительных народных масс», Ковалевский вспомнил и о дворянах, обвинив правительство в потакании «кулакам, мироедам», которые обогатятся не только за счет крестьян, но и «помещиков более ранней формации, у которых обезземеливание началось уже давно». Такая перспектива, возразил либеральному профессору Красовский, «менее всего должна была бы утратить тех лиц, от имени которых говорил» оратор. Не слишком убедительно в устах Ковалевского звучал и упрек правительству, что проект последнего не отражает манифеста, которым «государь император заявил, что основой земельной реформы будет неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения и свобода выхода из общины».

Чуть позже, в заседании 19 марта, Ковалевский так сформулировал программу группы: она «сводится к тому, чтобы провести в жизнь то правило, которое англичане выражают словами „прочь руки“. Предоставьте самим заинтересованным, сообразно обстоятельствам... решать — выйти ли им в

составе мира»⁴². Такая позиция левой группы заслужила высокую оценку правых⁴³.

Аргументация сторонников указа в ходе дискуссии в общем собрании была существенно усилена. Член «центра» Калачов в подтверждение жизненности указа привел справку: в губерниях северного промышленного района «большинство земств уже ассигновали средства на содействие правильной постановке отрубных крестьянских хозяйств, тем самым признав целесообразность закона».

Красовский в защиту указа обратил внимание на важное явление, обусловленное сокращением дворянского землевладения: появились уезды, где «чувствуется острый недостаток в руководительных силах для выполнения задач местного управления и для общественной деятельности». Решить ее можно созданием обеспеченных земельных собственников, «хотя бы и не дворянского происхождения». Это — предпочтительнее, иначе проблема, обострившись, станет неразрешимой: будет «серая бесформенная масса рядового крестьянства, руководимая пришлою и ничем не связанною с местными интересами интеллигенциею».

А Бутлеров, находя довод о безземельном пролетариате у своих оппонентов наиболее сильным, в противовес им доказывал, что это «не есть безусловное зло»: земля перейдет в руки тех, кто сможет вложить в свои хозяйства капитал; последние станут более интенсивными и привлекут большее, чем прежде, число рабочих рук; рост спроса на рабочие руки повысит заработную плату. Одновременно — другой ряд перемен: земля будет лучше обрабатываться и, следовательно, увеличатся урожаи, что, в свою очередь, приведет к падению цен на хлеб. Общий результат — рост жизненного уровня народа, «если угодно, пролетариев»⁴⁴.

Острая дискуссия в общем собрании развернулась вокруг думского дополнения к указу 9 ноября и прежде всего ст. 1 законопроекта. Противники, как и в ОК, находили думское дополнение «бесполезным» в смысле практических результатов и «вредным», с точки зрения «правильно понимаемых целей землеустройства». Юридическая конструкция его представлялась им несостоятельной. Признавая бедственное положение крестьянства, они не считали общину его причиной, и вообще полагали, что «центр тяжести аграрной политики лежит не в вопросе о формах землевладения, а в вопросе о способах содействия агрикультурному прогрессу». Правительству советовали не спешить, ибо и так-де процесс выдела в хутора и отруба сильно отстает от процесса укрепления. Было и более откровенное заявление о желании «сохранить то, что вы намереваетесь упразднить». При этом пугали пролетаризацией и неизбежной в связи с ней классовой борьбой, «которая может повести, в конечном исходе, к диктатуре большинства крестьян-рабочих»⁴⁵.

Сторонники сделали акцент на несомненные, на их взгляд, выгоды от указа для массы сельского населения. Этой мерой, говорил Красовский, внедряется в огромную массу крестьянства «спасительное понятие о собственности». Спасительное в психологическом отношении: крестьянин, становясь собственником, приобретает «твердое сознание незыблемости права на свою землю», сознание своей прочности на земле, сознание своего дела, у него формируется «уважение к чужой собственности» — этим закладывается возможность перехода крестьянства «из прежнего архаического порядка коллективизма и бесправия» к свободной гражданской жизни. Спасительное — в экономическом: у крестьянина устанавливается «любовная связь» с землей, последняя становится благом, достоянием, которым следует дорожить для себя и потомков, а сам крестьянин — хозяином, а не временным пользователем-хищником; будет сокращаться чересполосица, так как у подворников сильнее стремление к разверстанию и они лучше и быстрее с этим справляются; личный интерес станет «движущей силой» народного прогресса⁴⁶.

Новым было и другое: в ОК сторонники думского дополнения пытались отрицать принудительный характер планируемого перевода крестьян на подворное владение, теперь же некоторые из них не только признавали, но уверенно и убедительно обосновывали необходимость этого насилия и право государствен-

ной власти произвести его⁴⁷. «Мы, — заявил Красовский, — прежде всего государственники. Раз мы говорим, что известный порядок отжил свой век, что он вреден для государства, что он угрожает его будущности, то, по нашему убеждению, нельзя предоставить его сохранение или отмену — личной инициативе. ... Большинство моих коллег думает, что всегда предпочтительнее, когда повелительные требования раздаются сверху, а не вынуждаются снизу». Следовательно, спор шел не о том, есть в этих статьях признаки «государственного» насилия, а по поводу того, следует или не следует его применять, настало или не настало время обсуждаемой реформы. И с точки зрения сторонников ст. 1, «этот момент не только настал, но он перейден, и нужно с этим делом спешить».

Принципиально был поставлен и вопрос об общине: дело не в том, чего от нее больше — пользы или вреда, и не в том, насколько она жива и насколько отжила. «Перед Россией, перед русским народом, — напоминал Красовский, — стоят такие задачи, что ему нужно напряжение всех сил для того, чтобы побороть свои невзгоды внутренние и своих внешних соперников», поэтому с общиной следует «считаться не как с жизненным учреждением, а как с терпимым и только дотоле — доколе у народа и у правительства не будет достаточно сил, чтобы сдать ее в архив».

Веское соображение в пользу ст. 1 привел Шебеко: «Если противникам этого законопроекта не к спеху, и они находят возможным оставить 48% общинников ... в том виде, в каком они прозябают ныне... то я думаю России-то ждать недосуг»: если производительность почвы не будет быстро увеличена, то через 10 лет бюджет не сможет рассчитывать на экспорт зерна. Подсчет Шебеко был прост и убедителен: прирост населения — свыше 2,5 млн. человек в год, за 10 лет это даст около 30 млн. «Считая голодную норму 15 пудов на душу... вот вам 450 млн., а в среднем экспорт Россией зерна не превышает 500—550 млн.» Для решения чисто экономических проблем, полагал Шебеко, одного указа 9 ноября мало. Отклонение же ст. 1 «продлит агонию вымирающего уклада»⁴⁸.

Настаивая на ускорении реформы, Ермолов указывал на факт недоедания крестьянства, на возрастающий импорт хлеба «в течение последних лет» (в 1902 г. — 1218 тыс. пуд., в 1908 г. — 13 733 тыс.), на колоссальную задолженность губерний с преобладанием общинного землевладения, хронически страдающих от неурожаев и получающих казенную помощь⁴⁹.

Таким образом, по мнению сторонников думского дополнения, ускоренное и насильственное уничтожение общины было необходимо, учитывая современное положение России, и еще более — с учетом нужд ее будущего развития: «Россия вовлечена в мировой товарооборот и лишь при подъеме платежных сил крестьянской массы можно будет достигнуть широкого удовлетворения тех культурных потребностей, которые с настоятельной нуждой требуют скорого разрешения»⁵⁰. Дискуссия длилась четыре дня, но исход ее оставался неясен. Определенно повлияло на решение общего собрания настроение в Думе⁵¹. 22 марта 103 голосами против 75 оно исключило из состава ст. 1 упоминание о тех обществах, в которых не было переделов в течение 24 лет. Та же часть ст. 1, где речь шла об обществах, в которых не было общих переделов со времени наделения их землей, была принята 90 голосами против 88.

Настойчивую попытку «обезвредить» указ 9 ноября предприняли его противники при обсуждении ст. 9 думского законопроекта, которая содержала одно из главных оснований реформы — личную собственность домохозяина на укрепляемую за ним землю. Десять ораторов (6 правых, в том числе редко выступавший лидер группы П. Н. Дурново, 3 из «центра» и левый) выразили свое неприятие данного начала; четверо из них выступили по 2 раза, а один — 6. Однако, как и в ОК, никто из них не решился настаивать на его отмене: к этому времени уже 1700 тыс. домохозяев заявили о желании стать личными собственниками своих наделов, и возвращаться назад и восстанавливать семейную собственность «представлялось невозможным», тем более что юридическое содержание института семейной собственности оставалось «крайне неопределенным и

противоречивым», а разработка его представлялась «крайне трудной и почти невыполнимой»⁵². Тем изобретательнее были они в сочинении многочисленных поправок.

Левые, как и в ОК, при решении вопроса о характере собственности сослались на обычай, поскольку семейная собственность — «несомненный факт». Правые свои поправки объясняли желанием предотвратить злоупотребления правом единоличного распоряжения укрепленным участком и тем оградить семью от увлечений домохозяина; пугали они и свободной, ничем не ограниченной мобилизацией крестьянской наделной земли. Однако смысл их предложений никого не вводил в заблуждение. Цель и левых, и правых, не сомневался Красовский, «свести на нет, превратить в ничто те начала, которые положены в основу указа 9 ноября»⁵³.

Важность вопроса и близкое к равновесию соотношение сил сторонников и противников новой аграрной политики в общем собрании побудили главу правительства снова принять участие в прениях. И в этот раз Столыпин, демонстрируя озабоченность и впечатляющую осведомленность относительно положения дел и процессов на местах, предпочел разговор с принципиальных позиций: правительство уяснило, что «пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей». Поэтому в основу аграрной политики оно положило следующий принцип: «способности и воля разумнейших и сильнейших свободно проявят себя, проявят во всю ширину народной самостоятельности русского народного духа», если не будут ничем стеснены; задача указа 9 ноября — «снять путы, связывавшие до настоящего времени свободную волю крестьян». Семейная собственность, как и общинная, противоречит основной мысли, «самому принципу закона 9 ноября». Поэтому правительство «решительно высказывается против установления каких-либо новых писанных норм в определении понятия крестьянской семейной собственности».

Вместе с тем Столыпин подчеркнул, что правительство отдает отчет в новизне и сложности предпринятого и поэтому действует «с величайшей осторожностью»: оно сохранило правила, ограждающие сохранность наделной земли в руках крестьянства; указ 9 ноября сохраняет обычай «в порядке завещательном и в порядке наследственном» и этим гарантирует права сыновей; указ признает боковых родственников совладельцами наделной земли, а это ограждает их от произвола домохозяина; ст. 51 законопроекта Думы воспрещает скупку в одни руки в одном уезде более 6 наделов; указ 5 октября 1906 г. делает возможным семейные разделы по приговорам сельских сходов без согласия домохозяев-отцов; МВД разработало закон об упрощенных опеках над расточителями, что ограждает семейство от обезземеливания вследствие пьянства или распутства домохозяина. Но все это, «не нарушая самой природы наделной земли» как фонда, обеспечивающего крестьянство, дает возможность «использовать землю приложением к ней путем свободного труда лучших крестьянских сил».

По этим «принципиальным соображениям» правительство, говорил Столыпин, «не может присоединиться» к поправкам: «при продаже, при залоге или при отчуждении участка» должна свободно проявляться единоличная воля домохозяина⁵⁴.

Видимо, доводы Столыпина убедили оппонентов: все поправки были отклонены и ст. 9 принята в редакции ОК Госсовета. Этим исчерпывалась принципиальная сторона дела. Оставались детали. Отклонена была (92 голосами против 72) совместная попытка левых и правых дополнением ст. 46 узаконить право домохозяина зачислять, если он того пожелает, наделные земли «не в личную себе собственность, а в общую, семейную». Не прошло и давнее предложение ограничить домохозяев в их праве не только отчуждать, но и закладывать укрепленную за ними землю согласием жены. Не согласилось общее собрание и с другим предложением правых — предоставить сельским обществам преимущественное право

приобретения продаваемых участков, входящих в состав наделной общественной земли. 30 апреля 1910 г. общее собрание одобрило законопроект в целом.

Борьбу за «обезвреживание» указа 9 ноября правые проиграли. Наиболее импульсивные из них пытались продолжать ее за стенами Мариинского дворца. И. Гофштеттер призывал добиться издания именного указа «о приостановлении действия столь опасного по своему влиянию явно разрушительного закона»⁵⁵. А. А. Клопов писал царю, советуя «задержать» утверждение законопроекта. Епископ Гермоген пытался воздействовать через Распутина⁵⁶.

Другие, более трезвомыслящие, понимали невозможность попятного движения. Глубокое чувство безысходности охватывало правых оппонентов Столыпина: за переходом крестьян к личной собственности на землю маячила предостановление им экономического и политического равноправия, а в итоге — появление новой демократической силы как основного элемента общественной и политической жизни страны⁵⁷. Единственное, что оставалось делать представителям правого лагеря, — это тормозить по мере сил реализацию реформы и мешать правительству использовать ее в политических целях.

Примечания

¹ Представления и высказывания о Столыпине его политических противников слева, закрепившись затем в советской исторической литературе, сделали невозможным объективное освещение и этого сюжета. Не случайно С. М. Дубровский, по существу, опустил его (Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 153—155), а С. М. Сидельников ограничился изложением внешней, фактической его стороны (Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 127—144).

² Об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения // РГИА, ф. 1162, оп. 4, д. 1; Государственный совет: Стенографические отчеты. 1909—1910 годы. Сессия пятая. СПб., 1910.

³ Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении (Первоначальные предположения правительства по означенному предмету, извлечения из работ Государственной думы и рассмотрение дела в Государственном совете) / Издание Государственной канцелярии. СПб., 1911.

⁴ Е. Д. Черменский писал о так называемой «оппозиции справа», считая ее «малочисленной и несплоченной» и объясняя славянофильскими традициями «отдельных реакционеров» (История СССР. Период империализма. М., 1974. С. 232).

⁵ См., напр.: История СССР. 1861—1917 / Под ред. В. Г. Тюкавкина. М., 1990. С. 308; А в р е х А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 67.

⁶ В указе речь шла о выходе из общины отдельных домохозяев по их о том заявлениям, а Дума постановила признать перешедшими к наследственно-участковому владению общества, в которых не было общих переделов со времени наделения их землей или в последние 24 года.

⁷ «Истинный смысл 9 ноября, — давно и справедливо заметил М. Югов, — приобретало только 3 июня. До этого аграрное законодательство ...было лишь посулом. ... Но когда третьеиюньская конституция ...обнаружила известную почву под ногами у царизма, тогда почвенной оказалась и столыпинская аграрная политика» (Пролетарская революция. 1934. № 1/108. С. 49).

⁸ Выразительна была тревога «Московского еженедельника» (1906. 2 декабря): «Если бы последствия указа 9 ноября можно было исправить! Ведь если действительно начнется выделение из общины отдельных домохозяев, то будущее народное представительство очутится пред совершившимся фактом. Как сможет оно уничтожить приобретенное вновь право собственности и восстановить прежний порядок? И во что после этого превратится аграрная реформа, которую с таким единодушием выдвинула первая Дума?»

⁹ Пасхалов К. и Шаронов С. Землеустройство или землеустройство? М. [1909]. С. 30.

¹⁰ Удельный вес правой группы его, составляя в конце первой сессии (начало июля 1906 г.). 21,93% на 1 января 1910 г. вырос до 40,72%.

¹¹ Отмеченное выше думское дополнение было сделано, по свидетельству Шидловского, в предвидении «сильной оппозиции» указу и «имело целью привлечь на себя внимание Государственного совета с тем, чтобы в нужный момент его уступить, но зато сохранить самую суть указа 9 ноября» (Шидловский С. И. Воспоминания. Ч. 1. Берлин, 1923. С. 178—181).

¹² В и т т е С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 390.

¹³ Правительственный вестник. 1908. 14 февраля.

¹⁴ РГИА, ф. 1162, оп. 4, д. 1, л. 651—653.

¹⁵ Самарин Ф. Д. Каким образом можно было бы ослабить вредные последствия указа 9 ноября 1906 г.? М., 1909. С. 2.

¹⁶ Причина была в том, что в конце четвертой сессии 70 выборных членов Госсовета выбывали за окончанием срока избрания и по жребию. Летом 1909 г. предстояли выборы, по которым правые рассчитывали провести дополнительные кандидатуры.

¹⁷ В Госсовете тогда было три группы: правая, октябристский «центр» и «левая», состоявшая из кадетов и близких к ним. Из 143 присутствовавших в заседании 20 октября 71 (49,6%) входили в группу «центра», 15 (10,5%) — в «левую» и 57 (39,9%) были правыми. Это предопределило состав ОК: 3 «левых» (выборные М. М. Ковалевский, А. А. Мануйлов и В. П. Энгельгардт); 15 членов «центра»: 10 из основной группы (назначенные Н. П. Балашев, кн. Б. А. Васильчиков и А. С. Ермолов; выборные Д. К. Гевлич, М. В. Красовский, И. Н. Леонтович, кн. П. Н. Трубецкой, Ю. В. Трубников, Б. И. Ханенко и А. И. Яковлев, умерший 27 декабря 1909 г. и замененный с 15 января 1910 г. назначенным А. П. Никольским); 2 из автономной подгруппы «правого центра» (выборные С. Е. Бразоль и А. Б. Нейдгарт); 3 из «коло» (выборные И. Э. Олизар, К. Г. Скирмунт и И. А. Шебеко); 12 правых (назначенные С. С. Бехтеев и А. С. Стишинский и выборные В. М. Андреевский, В. А. Бутлеров, М. Я. Говорухо-Отрок, В. А. Драшусов, В. И. Карпов, А. А. Нарышкин, А. Н. Наумов, С. С. Стромиллов, А. П. Струков и Я. А. Ушаков).

¹⁸ Программа представляла собой перечень вопросов, распределенных в три отдела. В первом — 1 вопрос: отклонить законопроект или перейти к его обсуждению; во втором — 8 вопросов, вытекавших из содержания законопроекта: признать ли общества, где не было общих переделов в последние 24 года, перешедшими к подворному владению? какой должна быть собственность на наделную землю выделяющегося из общины: личной или семейной? и др.; третий отдел предусматривал обсуждение тех статей законопроекта, по которым при обсуждении второго отдела не будут сделаны определенные заключения (РГИА, ф. 1162, оп. 4, д. 1, л. 266—266об.).

¹⁹ Там же, л. 281—282, 290, 299, 301, 319, 331—332, 843—847. Корни воззрений Ушакова — в его народническом прошлом: в 1863 г. 22-летний поручик и слушатель Николаевской инженерной академии был обвинен «в распространении вредных идей между фабричными работниками посредством чтения и передачи сочинений возмутительного содержания с целью возбуждения против правительства»; его лишили всех прав состояния и приговорили к расстрелу, замененному затем каторгой. В 1909 г. это был 68-летний религиозный старик и разоряющийся помещик (Там же, оп. 6, д. 829; Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1. СПб., 1906. С. 119.).

²⁰ РГИА, ф. 1162, оп. 4, д. 1, л. 290, 325—326, 799 об. Это был взгляд крупного землевладельца-предпринимателя: на 1906 г. он имел в Пензенской и Симбирской губерниях 3221 дес. приобретенной земли (на конец 1907 г. — 2441 дес.), два лесопильных завода с общей годовой производительностью в 77 535 руб.; в январе 1910 г. получил концессию на строительство Томашевской ж. д.: в 1916 г. за ним значилось в Вологодской губ. 1928 дес. собственной земли и 59 915 дес. на посессионном праве. Воззрений основной части правой группы он не разделял и в марте 1911 г. перешел в «правый центр».

²¹ Андреевский, Бехтеев, Говорухо-Отрок, Драшусов, Нарышкин, Наумов, Стишинский и Струков. Их взгляды разделял член «центра» Гевлич. См. их «Особое мнение» и выступления в ОК: РГИА, ф. 1162, оп. 4, д. 1, л. 273—277, 292—294, 310, 313—317, 835—840 об.

²² Категоричнее формулировка в «Особом мнении»: «Взгляд на общину, как на какой-то пережиток старины, совершенно не верен» (Там же, л. 837).

²³ «Замена общинного землевладения личным, — говорилось в „Особом мнении“, — должна осуществляться постепенно, без резких скачков, вызывающих потрясения в крестьянском хозяйстве, и только тогда, когда сами крестьяне проникнутся мыслью о преимуществах личной собственности, переход к этой форме землевладения будет и своевременным и твердым» (Там же, л. 837 об.). ²⁴ Там же, л. 318—319. ²⁵ Там же, л. 278—281, 319—321, 750—752, 800.

²⁶ Там же, л. 807. Позиция «центра» постепенно и не без участия ответственных чиновников МВД вырабатывалась с весны 1906 г., когда была образована под председательством Н. А. Хомякова Комиссия по земельному вопросу. В октябре 1906 г. на «экстраординарной сессии группы центра Государственного совета» вопрос обсуждался конкретнее, в связи с указами о казенных и удельных землях, и были приняты «Заключения группы по аграрному вопросу». Весной 1907 г. «центр» возобновил комиссию под названием «аграрная» и председательством кн. П. Н. Трубецкого, и она подвергла подробному изучению правительственные законопроекты, в том числе и указ 9 ноября. После того, как в ноябре 1907 г. «центр» Госсвета и «центр» Думы договорились о предварительном обсуждении всех проходящих через Думу проектов в совещаниях представителей обоих центров, были согласованы и их позиции по аграрному вопросу.

²⁷ Там же, л. 289—290, 306—308, 333, 801, 802 об.—803, 804—804 об., 805 об.—806 об.

²⁸ А «в этом деле, — говорил Шидловский незадолго перед тем в частном совещании членов ОК, — самое важное — хороший хозяин. А хороший хозяин мыслим только на собственном участке» (Там же, л. 406).

²⁹ Там же, л. 419, 441—442.

³⁰ Ковалевский, Ушаков, Ханенко (Там же, л. 350, 453, 480, 493).

³¹ Выступление Стишинского (Там же, л. 451).

³² Против ст. 2 в редакции Думы проголосовало 14 из 28 присутствовавших в заседании 23 ноября 1909 г.: 8 правых, 2 левых и 4 из «центра».

³³ Другая половина присутствовавших в заседании 23 ноября, но включавшая председателя комиссии: 11 членов «центра» и 3 правых.

³⁴ Там же, л. 490, 516—518, 521.

³⁵ Там же, л. 508—509, 811 об.—812.

³⁶ Абсолютная численность групп Госсвета на это время была следующая: левая — 11 (5,61%), «центр» — 85 (43,36%), правая — 80 (40,81%), внепартийные — 8 (4,08%), министры — 12 (6,12%). Голоса присутствовавших в заседании 3 марта 1910 г. при выборе ОК по законопроекту о землеустройстве разделились так: за список левой группы — 13 (8,4%), «центра» — 71 (46,1%), правой — 70

(45,4%), а 10 апреля при выборе ОК по законопроекту о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения — соответственно: 14 (9,8 %), 63 (43,7%) и 65 (45,9%).

³⁷ «Тут есть и доля „столыпинского вопроса" вообще, чем многое обостряется», — отмечал в дневнике гр. С. Д. Шереметьев (Российский государственный архив древних актов /РГАДА/, ф. 1287, оп. 1, д. 5055, л. 51).

³⁸ Государственный совет: Стенографические отчеты. 1909—1910 годы. Сессия пятая. Стб. 1136—1145. Участие Столыпина в работе общего собрания оказывало заметное влияние на членов Госсовета и вызывало раздражение правых (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5055, л. 49, 51, 53, 54).

³⁹ Не случайно сорвавшаяся фраза, а, по справедливому замечанию В. С. Дякина, кредо, с которым Столыпин «приступил к своей деятельности» (Д я к и н В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 19—20).

⁴⁰ Государственный совет: Стенографические отчеты. 1909—1910 годы. Сессия пятая. Стб. 1179—1186. 1463, 1597.

⁴¹ Там же. Стб. 1165—1177, 1189—1207.

⁴² Там же. Стб. 1149—1155, 1207—1217, 1234—1240, 1418.

⁴³ «Для меня, — говорил Олсуфьев, — было особенно ценно и, скажу откровенно, даже неожиданно встретить такое уважение к народному быту, такой консерватизм, в лучшем значении этого слова, у представителей левого крыла нашей палаты» (Там же. Стб. 1459).

⁴⁴ Там же. Стб. 1217, 1247—1251.

⁴⁵ Там же. Стб. 1286—1305, 1325—1331, 1344—1347, 1364—1379, 1392—1420, 1425—1454, 1457—1465.

⁴⁶ Там же. Стб. 1262—1285.

⁴⁷ Развивая мысль о допустимости насилия ради «высших» целей, кн. Трубецкой парировал возражения: разве запрещение крестьянам выходить из общины не было насилием? (Там же. Стб. 1468—1469).

⁴⁸ Там же. Стб. 1321 —1322. «Личная инициатива по выходу из общины, — подтверждал Скимунт, — может оказаться недостаточной» как из-за инертности общинников, так и противодействия общества (Там же. Стб. 1331—1333).

⁴⁹ Там же. Стб. 1347—1363.

⁵⁰ Там же. Стб. 1316—1317.

⁵¹ Накануне голосования кн. Трубецкой, сетуя, что дело «идет туго», писал: «В Думе этот вопрос принимается с каким-то болезненным волнением и нервностью. Настроение в Думе такое: если провалятся 24 года, согласительная комиссия придет к соглашению; если провалится вся статья — Дума не согласится и тогда произойдет глубокий конфликт, который или побудит Государственный совет принять ультиматум Думы, или придется распускать законодательные палаты» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки /ОР РГБ/, ф. 265. 204. 41, л. 5 об.—6. Кн. П. Н. Трубецкой — Ф. Л. Самарину, 21 марта 1910 г.

⁵² Государственный совет: Стенографические отчеты. 1909—1910 годы. Стб. 1484—1488.

⁵³ Там же. Стб. 1503—1507, 1556, 1577—1600, 1607—1618, 1640—1642, 1576—1577.

⁵⁴ Там же. Стб. 1601 — 1607, 1624—1625, 1650, 1653—1654.

⁵⁵ Московские ведомости. 1910. 9 апреля.

⁵⁶ Иллиодор [Сергей Труфанов]. Святой Чорт//Голос минувшего. 1917. № 3. С. 94—95; РГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 11, л. 10.

⁵⁷ «Куда мы идем не знаю, — сетовал калужский губернатор кн. С. Горчаков в письме к своему дяде, члену Государственного совета гр. С. Д. Шереметьеву 8 сентября 1910 г., — но знаю, что приближаемся к пропасти, и слепые петербуржцы об этом не ведают, увлекаясь хуторами и тому подобными затеями, упуская много серьезного и существенного. Деревня превратилась в распивочную на вынос при полном отсутствии законов. Дикари размножаются, а для них узды никакой не готовят. Невесело и даже скорее грустно. Демократизация земских собраний очень пагубно начинает отражаться на делах, настает царство «ужика — мужика навеки, пьяницы, кулака и вора!» (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5099, л. 119—119 об.).